

Кукса Татьяна Павловна

**РУССКО-УКРАИНСКАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ
КРЫМА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ)**

В статье рассматривается русско-украинская межъязыковая интерференция в украинских говорах Крыма; выявлена её реализация в явлениях активизации образования синонимов и межговорных соответствий, переключении языковых кодов, трансформации семантической структуры лексем, изменении формальной структуры слов, в смешивании составляющих элементов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 91-94. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81.246.2

Филологические науки

В статье рассматривается русско-украинская межъязыковая интерференция в украинских говорах Крыма; выявлена её реализация в явлениях активизации образования синонимов и межговорковых соответствий, переключении языковых кодов, трансформации семантической структуры лексем, изменении формальной структуры слов, в смешивании составляющих элементов.

Ключевые слова и фразы: украинские говоры Крыма; активизация образования синонимов; трансформация семантической структуры лексем; изменения формальной структуры слов; говоры с несколькими диалектными основами; говоры смешанного типа; материнские говоры; переключение языковых кодов.

Кукса Татьяна Павловна

*Академия военно-морских сил им. П. С. Нахимова в г. Севастополе
tkuksa@gmail.com*

РУССКО-УКРАИНСКАЯ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УКРАИНСКИХ ГОВОРАХ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ)[©]

В современной украинской диалектологии усилился интерес к изучению украинских говоров, находящихся в иноязычном окружении, поскольку такие исследования дают возможность выявить структуру и закономерности формирования и развития языковых явлений во вновь созданных территориальных языковых единицах, их генетическую основу, динамику и интерференцию в условиях междиалектного и межъязыкового взаимодействия. К таким ареалам украинского диалектного континуума принадлежат украинские говоры Крыма. Вновь созданные украинские говоры возникли в результате позднего переселения и вторичного дозаселения Крымского полуострова. Переселение осуществлялось в несколько этапов. В XVIII-XX вв. в Крым пришли выходцы из Центральной России и Украины, иностранные колонисты (немцы, болгары). Еще до присоединения Крыма к России на полуострове, кроме монголо-татар, жили греки, армяне. Так образовался многоязычный социум: русские, украинцы, белорусы, сербы, болгары, молдаване, поляки, немцы, армяне, татары, турки, греки [6, с. 361; 7, с. 19-72]. Формирование местного населения и его языковой среды осуществлялось в сложных условиях взаимодействия генетически неоднородных говоров: украинских, отличающихся временем и местом возникновения, и иноязычных – преимущественно русского и крымско-татарского языков. Это повлияло на характер исследуемых говоров, которые сегодня квалифицируют как вновь созданные гетерогенные украинские говоры Крыма в составе степного говора юго-восточного наречия украинского языка [2, ч. 2, к. IX]. Поскольку украинские говоры Крыма являются смешанными, где в одном говоре и даже в одной семье могут функционировать разные по происхождению идиолекты, то в основу нашей классификации положена материнская основа современного говора. Это дало возможность вычленивать согласно зонам распространения лексических и семантических явлений, их фонетических и словотворных вариантов несколько групп говоров: говоры с доминантной диалектной основой – 1) средненадднепрянкой, 2) слобожанской, 3) степной, 4) восточнополесской, 5) среднеполесской, 6) подольской, 7) волинской, 8) надднестрянской, 9) гуцульской; говоры с несколькими диалектными основами, образованные из идиолектов разного генетического типа; говоры смешанного типа, образованные из идиолектов близкородственного генетического типа; говоры с исконным идиолектом, который подвергся влиянию других языков; говоры с исконным идиолектом, который подвергся влиянию другого языка в материнском говоре.

Украинские говоры Крыма дают возможность оценить степень противодействия диалекта воздействию системы близкородственного, но всё же другого языка, степень его устойчивости в отрыве от материнской основы говора.

Объектом нашего анализа является сельскохозяйственная лексика, записанная в 51 населенном пункте Крыма, куда в 40-50 годы XX века было осуществлено массовое компактное переселение украинцев из Полтавской, Киевской, других областей Центральной Украины, Волыни, Полесья, Подолья. Населённые пункты взяты согласно АУМ [Там же, с. 58]. Средством бытового общения для украинского населения выступает диалектный украинский язык, имеющий характерные черты материнских говоров. Официальным языком, языком средств массовой коммуникации, школьного образования до недавнего времени был только русский язык, а с начала 90-х годов XX в. – преимущественно он. Предметом исследования стало явление межъязыковой интерференции в украинских говорах Крыма.

Явление интерференции – вопрос дискуссионный. В современном языкознании существует несколько подходов к определению этого понятия: накладывание двух языковых систем одна на другую [11, с. 61], перенесение элементов одного языка в другой [3, с. 12], отклонение от нормы какого-либо языка под влиянием другого [4, с. 122; 9, с. 59], взаимное проникновение и отклонение от стандартов родного языка [10, с. 192]. Некоторые ученые, рассматривая результат взаимодействия украинского и русского языков, указывают на неосознанное смешивание билингвами в своей речи разных языковых систем и отмечают, что для большинства из них смешанная речь является единственным способом общения и сформировалась в особенный местный говор [5, с. 34; 8, с. 80]. Другие, наоборот, указывают на достаточную устойчивость диалектной

системы украинского языка в ситуации непрерывного воздействия двух близкородственных подсистем и выделяют разнообразные факторы этой устойчивости: бессознательное стремление к сохранению индивидуальности в иносистемной среде, установившиеся связи в системе вокализма говора, регулирующее действие межъязыковых соответствий, наличие или отсутствие языковых ассоциаций, качество соседних согласных, определенный склад артикуляционной базы говорящих и, вероятно, какие-то другие, неучтённые факторы, способствующие сохранению говорами украинского языка типичных черт [1, с. 32].

Особенностью украинских говоров Крыма является объединение разносистемных диалектных черт, которые, однако, не всегда являются смешанными. Нередко рядом функционируют говоры с разными диалектными основами, причём идиолекты, образующие доминантную группу, влияют на другие идиолекты, функционирующие в говоре. В говорах с несколькими диалектными основами, где функционируют идиолекты разного генетического типа, взаимодействующие в процессе коммуникации, появляются процессы, характерные для переходных диалектных зон: активизация образования синонимов и межговорковых соответствий, трансформация семантической структуры лексем, изменение формальной структуры слов; а в говорах смешанного типа происходит смешивание составляющих элементов идиолектов разного типа. Этноязыковая основа и типологические черты материнских говоров ярко выражены в явлениях гиперкоррекции, образовании синонимических рядов, вариативности, отсутствии реализации сем или семантических смещений. Во многих случаях зафиксировано сознательное переключение языковых кодов.

Активизация образования синонимов происходит путем укоренения рядом с одним украинским названием другого (диалектного или литературно нормативного) либо лексемы, заимствованной из русского языка: *жито* // *рож*; *початок* // *качан*, *киїах* // *качан*; *коноплі* // *конопл'а*; *суниц'і* // *клубн'іка*; *ожина* // *йежев'іка*; *л'ішчина* // *гор'іх* // *фундук*, *чорноплідна р'яб'іна* // *апрон'ія*.

Вследствие этого заметно увеличение функциональной нагрузки номенов, являющихся литературно нормативными (нередко они функционируют параллельно с сохранившимися в речи респондента диалектными названиями) или имеющих близкую фонетическую и морфемную структуру в украинском и русском языках. Так, установлено влияние русского языка на произношение общих для обоих языков морфем (примеры соответствий здесь и далее даны согласно украинской графике – Т. К.), вследствие чего суффикс *-ник* имеет в говорах вариант *-нік*: *р'єнн'ік* (24), суффикс *-ин-* реализует вариант *-ін-*: *ботв'іна* (13); *-инн-* – *-інн-*: *картонл'ін'а* (24); *-ик-* – *-ік(ч)-*: *йежев'іка* (9, 13, 14, 21, 23, 27, 28, 32, 33, 37, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 50, 51); *клубн'іка*, *клубн'іч'ка* (1-3, 5, 8-10, 12, 13, 19, 21-24, 26-29, 32-38, 42-44, 46, 47, 49-51); *земл'ан'іка* (20, 30, 41).

Однако встречаются случаи украиноязычной фонетической модификации морфем в заимствованных из русского языка названиях: *камушок* – семя с твердой оболочкой в плодах вишни (3, 10); *крижовник* (2, 3, 5, 8-12, 14, 18, 22, 23, 25, 26, 29-33, 35, 38, 39, 41, 43, 44, 47), *огурчики* (38, 43); *йежевика* (46); *земл'аника* (27, 37, 40). Хотя засвидетельствованы и варианты: *крижовн'ік* (4, 6, 7, 9, 20, 21, 27, 28, 36, 37, 40, 42, 45, 48-51), *агурч'ік'і* (33); *йежев'іка*, *земл'ан'іка* (см. выше). Нередко лексемы с одним суффиксом различают в говорах фонетическое оформление слова: *'с'ін'єн'к'і* – *'с'ін'ін'ки* – *'синєн'к'і* – *'с'ін'ін'к'і* – *'с'ін'єн'к'іє* – *'син'єн'к'і* – *'с'інен'к'і* – *си'нен'к'і*; *'с'іл'д'і'р'єй* – *'с'іл'д'є'р'єй* – *сел'д'є'р'єй* – *'с'іл'дє'рєй* – *сил'д'і'рєй*; *метелка* – *м'іт'ілка* – *мє'т'олка* – *м'є'т'олка*; *апел'с'ін* – *ап'іл'с'ін* – *ап'єл'с'ін*.

Межговорковые и межъязыковые соответствия возникают вследствие функционирования идиолектов разного происхождения. Говорящие осознают эти отличия и указывают на них: *'косточ'ка* *'кажут'* тут / *кам'інець* в *україн'і* говорили (24); у нас баклажани / *'с'ін'єн'к'і* у *Криму* *'кажут'* (39); тут *'кажут'* *фундук* / а у нас *л'ішчина* (43).

Некоторым информантам свойственно переключение языковых кодов, например: *Ви знаєть'є / іа вже вс'о позаб'ивала по-українські // што іа пам'ятайу? / н'ід'іс'ат л'єт прош'ло // Іа полнос'т'іу рускайа / уже р'єдко найд'от што-то українскоє // А ког'да поїхала до'мой / іа за два дн'а сразу стала українкоєй / потому што родноєй іа'зик. А на вопрос о месте рождения зафиксирован ответ: *'В'ін:иц'ка* *'област'* / *Копайгороц'кий район* / село *Волод'іївка* / *Пал'ч'ік* *З'іноїїда* *Григор'івна* (37). Для номинации растений и их частей используют преимущественно усвоенные из русского языка термины: *пал'а* – участок земли, на котором растут (росли) сельскохозяйственные культуры, *пшен'іца* – пшеница обыкновенная, *Triticum vulgare* L., *'овощ'і* – сборное название огородных растений, *фасол' солдат'ік'і* *'дл'ін':ін'к'іє* – невьющаяся фасоль продолговатой формы, *огурци* – огурцы, *Cucumis sativus* L., *картошка* – картофель, *Solanum tuberosum* L., *'пер'єц' сладкий* – перец сладкий, *'пер'єц' гор'к'і* – перец горький, *пом'ідори* *'розовийє* – помидоры розового цвета, *укроп* – укроп, *Anethum graveolens* L., *ствол* – ствол, основная наземная часть дерева или куста, от которой растут ветки, *ц'є'іток* – общее название цветкового растения, соцветие кукурузы на вершине стебля, *'ветк'і* – ветка, небольшой боковой отросток дерева, *абр'ікоси* – абрикос, *Armeniaca vulgaris* Lam., *'пер'є'ік'і* – персик, *Persica vulgaris* Mill., *'сл'іви* – слива домашняя, *Prunus domestica* L., *шелков'іца* – шелковица, *Morus alba* L.. Однако в индивидуальной речевой системе зафиксированы черты, свойственные общенародному языку и подольским говорам, сохранившимся из материнской основы носителя. В фонетической системе говорящего сохранено наличие протетичного [г], выявленное в контаминированной форме *гастрол'іс'т* (рус. *острол'іс'т*) – сорт табака; отсутствует русскоязычная передача [о] через [а]: *огор'од*, наоборот, зафиксировано отталкивание от русского акания – [о] вместо [а] (*З'іноїїда*).*

Межъязыковое взаимодействие обусловлено употреблением лексем *гар'буз*, *'гарбуз*, *'гарбузи* со значением «арбуз», *Citrullus vulgaris* Schrad. (9, 16, 33, 34), *гар'бузи* со значением «дыня», *Melo sativus* Sager. (2).

Следствием межъязыкового взаимодействия являются изменения формальной структуры слов, выраженные такими явлениями:

- ударение лексем ¹гарбуз, ¹гарбузи (арбуз, *Citrullus vulgaris Schrad.*) (34, 31), что обусловлено, наверное, инвариантным ударением названий арбуза в диалектном русском языке (сравним: рус. ¹арбуз, ¹арбузы);
- потеря йотации в лексеме ¹м'ата (мята обыкновенная, *Mentha piperita L.*) (2, 4, 8, 9, 18, 19, 23-26, 28, 32, 33, 39, 40, 45, 47-51);
- смягчение произношения губных перед звуком [э]: ¹йач'м'ен' (22, 24, 25, 27, 33, 37, 40, 49-51); ¹к'л'ев'ер (4, 8, 9, 12, 13, 21, 27, 28, 33, 37, 40, 41, 45, 46, 49-51); ¹бул'б'ен':а (17);
- лексема ¹йеже'в'ика (ежевика садовая, *Rubus alleghaniensis*) (9, 13, 14, 21, 23, 27, 28, 32, 33, 37, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 50, 51);
- лексема ¹рож' (4, 40);
- лексемы ¹гр'е'чиха, ²р'ечка (гречка, *Fagopyrum sagittatum Gilid.*) (4, 8, 9, 13, 24, 26-28, 32, 40, 45, 46);
- фонетический вариант ¹коноп'л'а (3, 4, 9, 10, 20, 21, 24, 26, 28, 33, 34, 40, 42, 45-51);
- лексема ¹лук (лук огородный, *Allium cepa L.*) (2-4, 10, 15, 24, 27, 28, 31, 37, 42, 47, 48, 50, 51);
- фонетический вариант ¹час'нок является следствием контаминации украинского названия ¹час'ник и русского ¹чес'нок (1, 8, 13, 28, 32, 40, 48);
- лексема ¹фа'сол' (фасоль обыкновенная, *Phaseolus vulgaris L.*) (19, 21, 24, 37, 48);
- лексема ¹тыква (тыква обыкновенная, *Cucurbita pepo L.*) (4, 9, 16, 17, 27, 39, 40, 43, 44, 51);
- лексема ¹св'екла (свекла, *Beta vulgaris L.*) (4, 10, 40, 50); очевидно, под влиянием украинского языка возник её вариант ¹св'і'кла;
- лексемы ¹под'солнух, ¹с'емочки, ¹с'емошки (подсолнух обыкновенный, *Helianthus annuus L.*) (1-6, 12, 14, 18-22, 24, 27, 34, 37, 40, 42, 47-51);
- фонетические варианты ¹в'ишн'а (6, 24, 40, 45, 47, 50, 51); ¹мд'ліна (9, 13, 14, 24, 32, 33, 40, 45, 46, 48-51);
- фонетические варианты ¹ш'чавел', ¹ш'чав'ел' (3, 4, 6, 9, 10, 12, 13, 19, 24, 29, 30, 33, 36, 37, 41, 42, 47, 51);
- фонетический вариант ¹косточка (1, 8, 9, 12, 19, 24, 26, 28, 32, 35, 37, 40, 42, 45, 49, 51);
- фонетические варианты ¹р'ена, ¹р'енка (21, 29, 40, 45, 49, 50);
- фонетические варианты ¹шп'нат – ¹шп'нат (3, 5-7, 9, 13, 20, 24, 26, 27, 29, 40, 43-46, 49, 51);
- фонетические варианты ¹о'вес – ¹д'вес – ¹д'в'ос (13, 25, 27, 33);
- фонетические варианты ¹перец' – ¹п'ерец (8, 24, 40);
- фонетические варианты ¹йач'мен' – ¹йач'м'ен' (22, 24, 25, 27, 31, 33, 37, 40, 45-51).

Межъязыковым взаимодействием и диалектной системой материнского говора обусловлены фонетические изменения [о] – [о^а] – [а]: ¹по'р'ічки – ¹па'р'ечки; ¹смо'родина – ¹сма'родина, ¹смо'род'іна; [ц'] – [ц] ¹пше'ниці'а – ¹пше'ница, ¹пше'н'іца, ¹пше'ниці; ¹шол'ковиці'а – ¹шол'ков'іца, ¹шел'ков'іца; ¹перец' – ¹п'ерец; реализация украинского звука [и] суженым вариантом [і]: ¹пше'ниці – ¹пше'н'іца, ¹вишн'а – ¹в'ишн'а, ¹мд'лина – ¹мд'ліна.

Важно отметить, что репрезентация новых для диалектоносителей реалий не выявляет диалектной дифференциации на лексическом уровне, в то же время демонстрирует значительную фонетическую вариативность, часто обусловленную межъязыковой интерференцией: сему «рис посевной, *Oryza sativa L.*» в украинских говорах Крыма представляет лексема ¹рис и её фонетический вариант ¹р'іс; сему «ревень огородный, *Rheum undulatum L.*» – лексема ¹ревен' и несколько её фонетических вариантов: ¹рев'ін', ¹рев'ен', ¹р'ев'ен', ¹р'ев'ін'; сему «алыча культурная, *Prunus cerasifera Ehrh.*» – ¹али'ча и фонетические варианты ¹али'ч'а, ¹ли'ча; сему «миндаль обыкновенный, *Amygdalus cymmunis L.*» – лексема ¹ми'дал' и её фонетические варианты ¹мин'дал' і ¹м'ін'дал'; сему «персик, *Persica vulgaris Mil.*» во всех исследуемых говорах реализует лексема ¹персик и её фонетические и грамматические варианты ¹перс'ік, ¹п'ерс'ік, ¹персики, ¹перс'іки, ¹п'ерс'іки, ¹п'ерс'ік'і.

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о распространении явления интерференции в украинских говорах Крыма, что особенно выразительно проявляется на фонетическом и лексическом уровнях. Несмотря на то, что разнодиалектность и разноязычие отразились на фонетическом, грамматическом и словарном составе этих говоров, наблюдаем сохранение и лексикализацию отдельных фонетических черт материнского говора, консервацию её основного лексического состава, который был принесен переселенцами с родины.

Список литературы

1. Авдеева М. Т. Взаимодействие русского и украинского языков как ареальное явление пограничья // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». Воронеж, 2002. № 2. С. 32-37.
2. Атлас української мови: у 3 т. К.: Наук. думка, 1984-2001. Т. 3. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянщина, Причорномор'я і суміжні землі. 267 с.
3. Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань, 1978. 189 с.
4. Верещагин Е. М. Психолингвистическая проблематика языковых контактов // Вопросы языкознания. 1967. № 6. С. 122-133.
5. Вовчок З. І. Специфіка інтерференції близькоспоріднених мов // Функціональна лінгвістика, ітоги і перспективи. Ялта, 2002. С. 34-36.
6. История Крыма с древнейших времён до наших дней (в очерках) / Г. М. Буров, С. Г. Колтухов, Э. Г. Петров и др. Изд-е 3-е. Симферополь: Атлас-компакт, 2006. 400 с.
7. Історія міст і сіл Української РСР. К.: Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1971. Т. 26. Кримська обл. 803 с.
8. Манакин В. М. Конвергентное образование и проблема интерференции в условиях близкородственного двуязычия // Проблеми міжпредметних зв'язків в умовах білінгвізму. Дрогобич, 1990. С. 80-82.
9. Розенцвейг В. Ю. О языковых контактах // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 59-65.
10. Селіванова О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К, 2006. 716 с.
11. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. Языковые контакты. С. 61-80.

Цифровые обозначения говоров

1. Ишунь Красноперекопского р-на.
2. Магазинка Красноперекопского р-на.
3. Тургенево Джанкойского р-на.
4. Медведевка Джанкойского р-на.
5. Воронцовка Красноперекопского р-на.
6. Славное Роздольненского р-на.
7. Камышное Роздольненского р-на.
8. Днепровка Джанкойского р-на.
9. Славянское Джанкойского р-на.
10. Водопойное Черноморского р-на.
11. Гришино Первомайского р-на.
12. Калинино Красногвардейского р-на.
13. Новосельцево Джанкойского р-на.
14. Черноморское Черноморского р-на.
15. Панфиловка Первомайского р-на.
16. Александровка Красногвардейского р-на.
17. Петровка Красногвардейского р-на.
18. Митрофановка Нижнегорского р-на.
19. Дмитревка Советского р-на.
20. Оленевка Черноморского р-на.
21. Великое Сакского р-на.
22. Лебединка Советского р-на.
23. Краснофлотское Советского р-на.
24. Калиновка Ленинского р-на.
25. Новониколаевка Ленинского р-на.
26. Багерovo Ленинского р-на.
27. Осовины Ленинского р-на.
28. Молочное Сакского р-на.
29. Шелковичное Сакского р-на.
30. Мельники Белогорского р-на.
31. Пушкино Советского р-на.
32. Красногорка Ленинского р-на.
33. Ленинское Ленинского р-на.
34. Марфовка Ленинского р-на.
35. Зольное Симферопольского р-на.
36. Мазанка Симферопольского р-на.
37. Белая Скала Белогорского р-на.
38. Васильевка Белогорского р-на.
39. Видное Кировского р-на.
40. Заветное Ленинского р-на.
41. Николаевка Симферопольского р-на.
42. Багатое Белогорского р-на.
43. Грушовка Судакского р-на.
44. Самохвалово Бахчисарайского р-на.
45. Веселое Судакского р-на.
46. Красный Мак Бахчисарайского р-на.
47. Лучистое Алуштинского горсовета.
48. Кудрино Бахчисарайского р-на.
49. Мальй Мак Алуштинского горсовета.
50. Соколиное Бахчисарайского р-на.
51. Орлиное Севастопольского горсовета.

**RUSSIAN-UKRAINIAN INTERLINGUAL INTERFERENCE IN THE UKRAINIAN DIALECTS
OF CRIMEA (BY THE MATERIAL OF AGRICULTURAL VOCABULARY)**

Kuksa Tat'yana Pavlovna

Naval Academy named after P. S. Nakhimov in Sevastopol'

tkuksa@gmail.com

The author considers the Russian-Ukrainian interlingual interference in the Ukrainian dialects of Crimea; and reveals its realization in the phenomena of activation of synonyms and inter-dialectal equivalents formation, language codes diversion, the transformation of lexemes semantic structure, changing words formal structure, constituent elements mixing.

Key words and phrases: Ukrainian dialects of Crimea; activation of synonyms formation; transformation of lexemes semantic structure; changing of words formal structure; dialects with several dialectal bases; dialects of mixed type; native dialects; language codes diversion.